

С. В. Воронятов

ФАЛАРЫ КОНСКОГО ОГОЛОВЬЯ ИЗ КУРГАНА 1 НА ЗУБОВСКОМ ХУТОРЕ

В статье обосновывается альтернативная атрибуция семи так называемых поясных блях из сарматского погребения кургана 1 на Zubовском хуторе в Прикубанье (I в. до н. э. — I в. н. э.). Отсутствие аналогий среди поясной гарнитуры и близкие аналогии в сарматском церемониальном конском снаряжении позволяют отнести анализируемые предметы к фаларам конского оголовья.

Ключевые слова: курган 1 на Zubовском хуторе, Прикубанье, сарматы, конское снаряжение, фалары, стекло миллефиори.

Курганы на Zubовском хуторе в Прикубанье, в 20 верстах от станицы Тенгинской, были раскопаны в 1899 г. За прошедшее время материалы памятника часто фигурировали в археологической литературе и были датированы широким отрезком времени — I в. до н. э. — I в. н. э. Яркие и уникальные вещи из погребальных комплексов курганов 1 и 2 украшают каталоги выставок и альбомы, посвященные ранним кочевникам Евразии и древним сокровищам Кубани (Анфимов 1987; 2011; L’Or... 1995, p. 46, 47; Засецкая 2010, с. 277—284). Однако среди них есть предметы, функциональное назначение которых остается неоднозначным и дискуссионным. К таковым относятся и бляхи (рис. 1; 2; 3: 1, 4), названные в первой публикации «поясными» (Думберг 1901, с. 94).

До наших дней комплект из семи предметов сохранился не полностью. В Государственном Эрмитаже экспонируются лишь шесть поступивших в 1904 г. на хранение блях. Седьмая (рис. 2: 3) была продана раскопщиками еще в 1899 г. (Думберг 1901, с. 94). Золотые изделия представляют собой объемные диски,

пять круглых (Инв. № 2234/2) и один овальный (Инв. № 2234/1), с крупными стеклянными вставками по центру и мелкими по краям (рис. 1; 2; 3: 1, 4). Между мелкими вставками голубого и красного цветов поле круглых блях украшено орнаментом в виде сердечек и волют из напаянной рубчатой золотой проволоки. Она же обрамляет края блях и гнездо центральной вставки. Некоторые детали оформления овальной бляхи (рис. 3: 1; 4: 4) отличаются от оформления круглых. На обратной стороне изделий припаяны золотые пластинчатые петли (Гущина, Засецкая 1989, с. 114).

А. В. Симоненко, реконструируя в своей книге облик всадника, погребенного в кургане 1, допустил, что рассматриваемые бляхи могли украшать не пояс человека, а конское оголовье (Симоненко 2010, с. 118, рис. 87, цв. вклейка; 2015, цв. вклейка 3: 1; 2012 с. 302). Ранее такая интерпретация звучала в статье А. П. Манцевич (Манцевич 1976, с. 179, рис. 19: 1—7) и вскользь была упомянута М. Ю. Трейстером (Трейстер 2007, с. 292). Высказывалось и сомнение по ее поводу (Шаров 2008, с. 299). Кроме двух предложенных вариантов атрибуции в литературе можно встретить еще один, о нем далее. В чем же причина неоднозначности определения предметов? Для того чтобы ответить на этот вопрос и отдать предпочтение одной из версий, необходимо кратко остановиться на истории изучения этого памятника.

Можно предположить, что качество раскопок курганов на Zubовском хуторе было далеко от приемлемого даже для конца XIX в. уровня. Раскопки проводил мещанин Забродин, и именно его слова легли в основу первой публикации материалов. Согласно им, рассматриваемые бляхи были найдены «при

Рис. 1. Фалары конского оголовья с центральными вставками из стекла в технике миллефиори из кургана 1 на Zubovskom хуторе (здесь и далее рисунки автора)

костяке» и определены как поясные (Думберг 1901, с. 94). Важно акцентировать внимание на том, что все-таки не на костяке, а при нем. Таким образом, уже на этапе прочтения статьи К. Е. Думберга возникают сомнения в корректности всех изложенных сведений. Но даже если им довериться, можно отметить отсутствие четких данных о находке блях на тазовых костях или в районе пояса погребенного, что давало бы основание называть их поясными.

Однако, первое определение с тех пор закрепилось в литературе (Гущина, Засецкая 1989, с. 114; Шукин 1992, с. 105; Мордвинцева 2007, с. 207; Marčenko, Limberis 2008, Taf. 8: 1a, b). Г. Е. Кизерицкий, М. И. Ростовцев и Э. Миннз называли бляхи пуговицами, поясным набором или украшениями ремня (Kiezeritzky 1901, S. 55; Minns 1913, p. 230; Ростовцев 1925, с. 570). Н. В. Анфимов, включив в свою книгу только один из шести уцелевших экземпляров (рис. 1: 1; 4: 1), ошибочно определил его как фибулу-брошь (Анфимов 1987,

с. 206). Впервые это определение появляется в книге «Iranians and Greeks in South Russia» (Rostovtzeff 1922, p. 127, 128, fig. 16: 4). После работы Н. В. Анфимова заблуждение фигурирует и в книге М. П. Абрамовой (Абрамова 2007, с. 136).

Разночтения присутствуют и в описании облика предметов. В первой публикации сказано, что это бляхи «со вставками разноцветных стеклышек и камней или цветной мастики» (Думберг 1901, с. 94). Центральные вставки назывались стеклами с пламенеющим рисунком и разбросанными цветами (Kiezeritzky 1901, S. 55), хрустальными (Ростовцев 1925, с. 570), из цветного стекла (Rostovtzeff 1922, p. 128; Манцевич 1976, с. 187), из стекла, имитирующего агат (Трейстер 2007, с. 284, 292). В действительности же мелкие вставки выполнены из глухого голубого и красного стекла (Гущина, Засецкая 1989, с. 114). Центральные вставки двух блях (рис. 2: 1, 2; 4: 5, 6) являются темным стеклом с последствиями иризации на поверхности. Четырем центральным вставкам осталь-

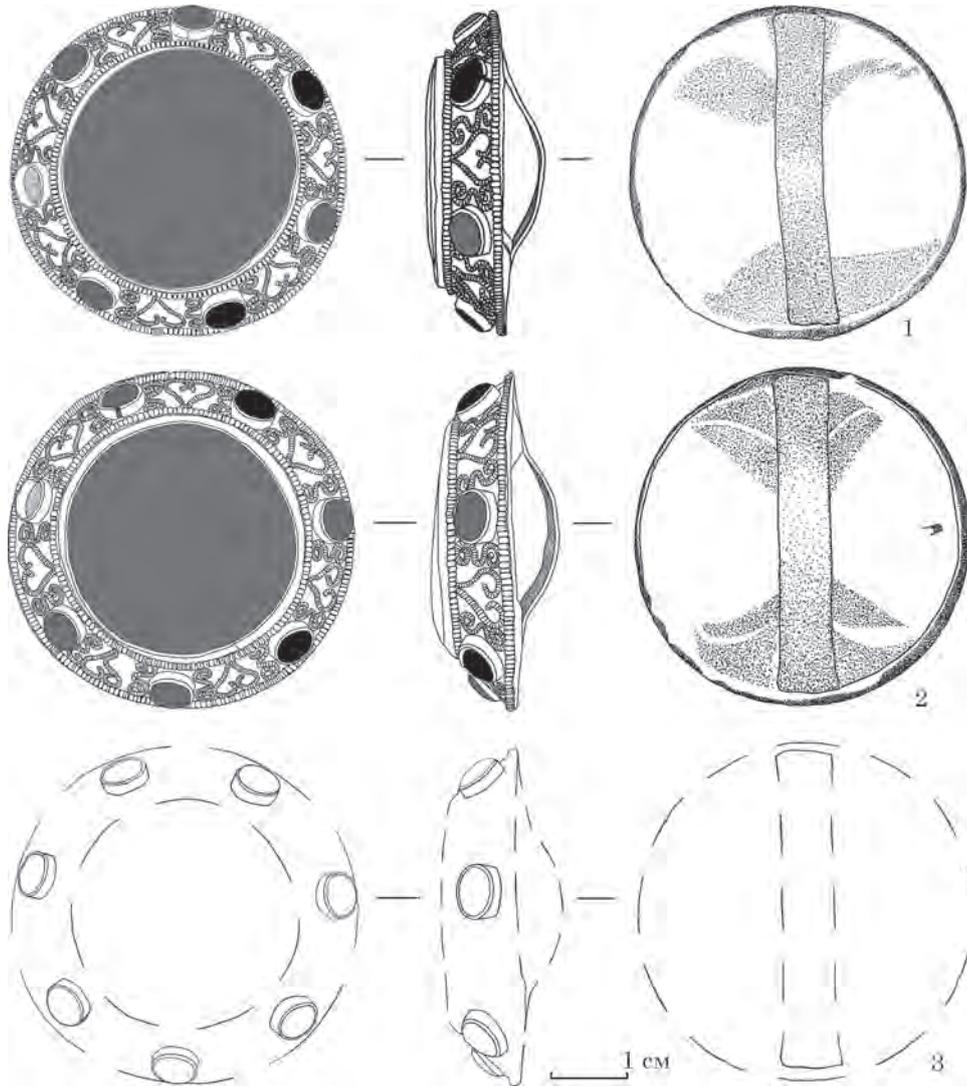

Рис. 2. Фалары конского оголовья с центральными вставками из темного стекла из кургана 1 на Зубовском хуторе (3 — утраченный фалар)

ных блях (рис. 1; 3: 1; 4: 1—4) наиболее верное определение дано в работе И. И. Гущиной и И. П. Засецкой. Исследовательницы употребляют термин «полихромное стекло» (Гущина, Засецкая 1989, с. 114). Верное определение дает и М. Б. Шукин, назвав вставки стеклом миллефиори (Шукин 1992, с. 105). Они, вероятней всего, были сделаны из осколков четырех разных сосудов, выполненных в этой технике. Подобные чаши и их осколки встречаются в материалах богатых сарматских комплексов второй половины I — начала II в. н. э. (Симоненко 2011а, с. 70—77).

Существование в современной литературе несоответствующих описаний рассматриваемых предметов и нескольких вариантов определения их назначения связано с тремя причинами. Во-первых, низкий уровень раскопок и фиксации. Во-вторых, отсутствие качественной публикации полного состава комплекта изделий. В-третьих, отсутствие до второй половины XX в. аналогичных наборов блях, на-

дежно зафиксированных в археологическом контексте.

Почему же вынесенная в название статьи версия о том, что бляхи из кургана 1 служили фаларами конского оголовья, представляется мне единственно верной? За долгий период, начиная с момента раскопок курганов на Зубовском хуторе, материалы сарматских погребальных комплексов многократно увеличались. Ни в одном из них не был зафиксирован набор подобных изделий, который можно было бы отнести к украшениям пояса погребенного. Напротив, комплектов фаларов конской упряжи известно к настоящему времени достаточно, и по многим параметрам оформления и устройства они близки находкам из кургана 1 на Зубовском хуторе. Далеко не последнюю роль играет и количество фаларов в этих комплектах.

Комплекс, с которым можно было бы сравнить зубовские фалары еще в начале XX в. — это одно из конских погребений большого кур-

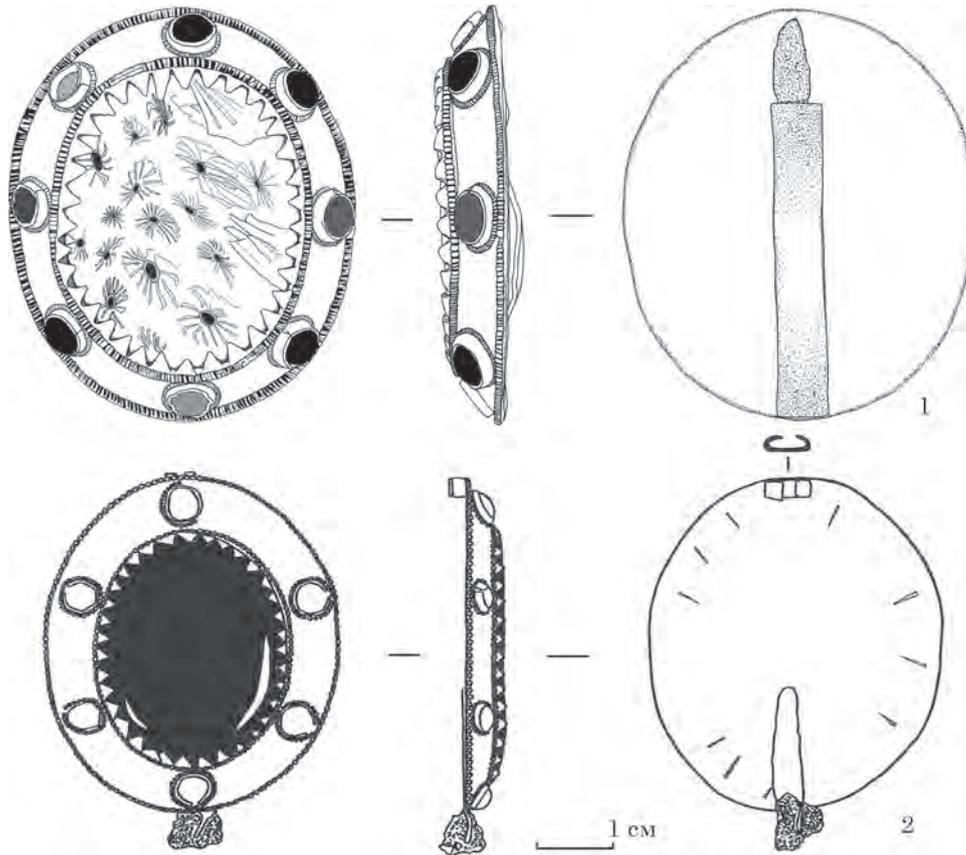

Рис. 3. Фалар конского оголовья с центральной вставкой из стекла в технике миллефиори и фибула-брошь (1 — курган 1 на Зубовском хуторе; 2 — Камова Могила (по: Симоненко 2012))

гана Васюриной горы. У меня нет возможности останавливаться на дискуссии по поводу хронологии этого сложного материала (Шаров 2008, с. 299—301; Симоненко 2011b, с. 600—602), однако следует обратить внимание на то, что комплект изделий с крупными стеклянными вставками из этого кургана состоит из одного овального и шести круглых фаларов (Ростовцев 1914, табл. XVIII: 1, 2), что соответствует зубовским находкам. Совпадает и способ крепления на ремни оголовья: на оборотной стороне круглых фаларов есть пластинчатые петли. Как крепился крупный овальный фалар, остается неясным.

Я не хочу сказать, что эти параллели прямо свидетельствуют о стилистической и хронологической близости двух комплектов изделий, имеющих существенный ряд отличий в размерах, технике изготовления и декорировании. Но следует предположить, что оба оголовья могли быть оформлены по одной универсальной схеме, в которой оптимальным количеством фаларов было шесть—семь, а один из элементов (фалар в центре храпа) мог отличаться от остальных (если их было семь). Есть мнение, что подобная схема (вариант 2 типа 1 декоративных упряжных наборов по В. И. Мордвинцевой) появилась еще до эпохи эллинизма «на Востоке, скорее всего,

в Иране» (Mordvinceva 2001, S. 49, 68, Abb. 9: 1B).

Принципу такой функциональной схемы соответствует материал, собранный и проанализированный А. В. Симоненко: наборы круглых блях в «странных комплексах» (III—I вв. до н. э.) Бедражий Векь, Веселая Долина, Великопосское, Семеновка; набор того же хронологического периода из Антиповки (6 шт.); набор среднесарматского времени из Запорожского кургана (6 шт.; Симоненко 2010, с. 173-180; 2015, с. 242, 243, рис. 86: 4; Манцевич 1976, с. 178, рис. 5).

К перечисленным памятникам следует добавить комплексы сарматских захоронений, время совершения которых является предметом неутрачивающих дискуссий. Но именно они, на мой взгляд, могут быть наиболее близки культурно и хронологически погребению кургана 1 на Зубовском хуторе. В материалах погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье присутствует комплект из семи уздечных блях (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, с. 161, 163, рис. 14; I tesori... 2005, cat. 87). Такое же количество фаларов конского оголовья было найдено в сарматском комплексе, исследованном недалеко от п. Яшкуль в Калмыкии (Очир-Горяева, Лапа 2002, с. 202, рис. 3; 2019, с. 10, рис. 6; Otchir-Goriaeva 2002, S. 357, Abb. 5).

Также можно упомянуть фалары церемониального конского снаряжения из тайников сарматских курганов второй половины I — начала II в. н. э. Садовый и Дачи в Нижнем Подонье и Жутово в Волго-Донском междуречье. Их количество — 12 (Садовый), 9 (Дачи) и 8 (Жутово) превышает число зубовских фаларов, но они нам интересны прежде всего способом крепления к ремням оголовья и в случае с предметами из Дач — оформлением. На тыльных сторонах фаларов из этих трех комплексов так же, как и на зубовских, присутствуют пластинчатые петли (Раев 1986, pl. 34; Мордвинцева 1999, с. 42, рис. 2: 2; Клейн 2016, с. 162; Беспалый, Лукьяшко 2018, с. 212, рис. 115).

Приведенные примеры свидетельствуют в пользу того, что семь фаларов из погребения 1 на Зубовском хуторе украшали конское оголовье. Таким образом, исследователи, допускающие именно такое употребление этих вещей, в своих догадках не ошибаются. В классификации В. И. Мордвинцевой, семь малых зубовских фаларов ремней оголовья можно отнести к типу 5 с характеристиками вариантов А и Е (Mordvinceva 2001, S. 48, 67).

В заключение коснусь одного интересно аспекта, касающегося конструкции и оформления зубовских фаларов. А. В. Симоненко справедливо подметил, что овальный экземпляр (рис. 3: 1; 4: 4) схож с золотой фибулой (рис. 3: 2) из комплекса сарматского погребения в кургане Камова Могила на правом берегу Днепра (вторая половина I — начало II в. н. э.). Все элементы оформления фалара и фибулы не просто близки, а в большинстве деталей повторяют друг друга: поле украшено круглыми вставками глухого стекла голубого, зеленоватого и красного цветов (разница в количестве — 8 и 6), центральная стеклянная вставка расположена на «подушке» из желтовато-серого порошка (высохшая «мастика») и заключена в каст с треугольными зубчиками по краю, рубчатая проволока обрамляет касты круглых вставок, центральный каст и весь щиток по краю (Симоненко 2012, с. 296, 302, рис. 2: 2). Эти параллели свидетельствуют о том, что вещи сделаны по единому замыслу, возможно, даже в одной мастерской.

Но наибольший интерес представляет сходство в одной малозаметной конструктивной детали на тыльных сторонах предметов. На фибуле из Камовой Могилы по длинной оси противопоставлены приемник и остатки железного пружинного аппарата, который крепился на выступе с отверстием припаянной к корпусу маленькой золотой пластинки (рис. 3: 2). На тыльной стороне овального зубовского фалара припаяна пластинчатая петля для пропускания ремня. Но кроме нее, есть еще

Рис. 4. Фалары конского оголовья из кургана 1 на Зубовском хуторе (© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020. Фотограф В. С. Теребинин)

фрагмент другой припаянной маленькой пластинки (рис. 3: 1), функционально бесполезной, но схожей с присутствующей на фибуле из Камовой Могилы. Возникает вопрос, не является ли эта деталь (остатки держателя пружинного аппарата?) свидетельством того, что вещь не сразу была изготовлена для состава комплекта фаларов, а первоначально служила фибулой-брошью, и лишь позже была функционально переоснащена? Может быть, именно поэтому один фалар из семи отличается овальной формой и меньшим количеством декора?

Против такого предположения свидетельствует большая стеклянная вставка на овальном фаларе (рис. 3: 1; 4: 4), выполненная из осколка чаши в технике миллефиори, так же, как и на трех круглых экземплярах. Эта редкая, если не уникальная, особенность выбора материала для вставок может все-таки говорить о всех зубовских фаларах, как о едином комплекте, изготовленном одновременно по четкому замыслу. К сожалению, утверждать что-либо наверняка невозможно, реконструкций последовательности действий мастера и разных сопутствующих обстоятельств может быть множество. Но в том, что бляхи из кургана 1 на Зубовском хуторе использовались именно в качестве фаларов конского оголовья, сомневаться не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова, М. П. 2007. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры. *Материалы и исследования по археологии России*, 8: Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой, с. 11-188.

Анфимов, Н. В. 1987. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Анфимов, Н. В. 2011. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Традиция.

Беспалый, Е. И., Лукьяшко С. И. 2018. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника*. 2: Курганный могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Гущина, И. И., Засецкая, И. П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.). *Труды ГИМ*, 70: Археологические исследования на юге Восточной Европы, с. 71-141.

Дворниченко, В. В., Федоров-Давыдов, Г. А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области. *Вестник древней истории*, 3 (206), с. 141-179.

Думберг, К. Е. 1901. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. *Известия императорской археологической комиссии*, 1, с. 94-103.

Засецкая, И. П. 2010. Древности Прикубанья римской эпохи. В: Бонгард-Левин, Г. М., Кузнецов, В. Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. III. Москва: Наука, с. 276-292.

Клейн, Л. С. 2016. *Первый век: сокровища сарматских курганов*. Санкт-Петербург: Евразия.

Манцевич, А. П. 1976. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I). В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука. с. 164-193.

Мордвинцева, В. И. 1999. Набор фаларов из кургана 28 могильника Жутово Волгоградской области. *Нижневолжский археологический вестник*, 2, с. 42-51.

Мордвинцева, В. И. 2007. Сарматский полихромный звериный стиль. В: Мордвинцева, В., Трейстер, М. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье*. (2 в. до н. э. — 2 в. н. э.). I. Симферополь; Бонн, с. 195-244.

Очир-Горяева, М. А., Лапа, Н. Л. 2002. Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея. *Вестник древней истории*, 3 (242), с. 200-205.

Очир-Горяева, М. А. 2019. Погребение воина-всадника из курганной группы Яшкуль. *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*, 4, с. 5-60.

Ростовцев, М. И. 1914. *Античная декоративная живопись на Юге России*. Санкт-Петербург.

Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград.

Симоненко, А. В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Симоненко, А. В. 2011а. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Симоненко, А. В. 2011б. Конский убор из большого кургана Васюринской горы. *Боспорский феномен: население, языки и контакты*, с. 598-602.

Симоненко, А. В. 2012. Сарматское погребение в кургане Камова Могила. В: *Золото, конь и человек*. Киев: Скиф, с. 295-307.

Симоненко, А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Киев: Олег Филок.

Трейстер, М. Ю. 2007. Техника изготовления и элементы декора. В: Мордвинцева, В., Трейстер, М. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в*

Северном Причерноморье (2 в. до н. э. — 2 в. н. э.). I. Симферополь; Бонн, с. 245-305.

Шаров, О. В. 2008. О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы. *Боспорские исследования*, XXII, с. 283-323.

Шукин, М. Б. 1992. Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблеме ранних алан. В: Раев, Б. А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир*. I. Новочеркасск, с. 103-130.

I tesori... 2005. *I tesori della steppa di Astrakhan*. Milano.

Kiezeritzki, G. 1901. Funde in Südrussland. *Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut*, 2: Archäologischen Anzeiger, S. 55-57.

L'Or... 1995. *L'Or des Sarmates*. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans L'Antiquite: Exh. cat. Abbaye de Daoulas.

Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I., Limberis, N. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz.

Mordvinczeva, V. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien, 11. Rahden.

Otchir-Goriaeva, M. A. 2002. Das sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia Antiqua*, 8, S. 353-387.

Raev, B. A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. British Archaeological Reports. International Series, 278. Oxford.

Rostovtzeff, M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

REFERENCES

Abramova, M. P. 2007. Kurgannye mogilniki Severnogo Kavkaza peryykh vekov nashej ery. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii*, 8: Severnyj Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke. Sbornik pamyati M. P. Abramovoj, s. 11-188.

Anfimov, N. V. 1987. *Drevnee zoloto Kubani*. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatelstvo.

Anfimov, N. V. 2011. *Drevnee zoloto Kubani*. Krasnodar: Traditsiya.

Bespalyj, E. I., Lukyashko S. I. 2018. *Drevnee naselenie mezhdurechya Dona i Kagalnika*. 2: Kurgannyj mogilnik u s. Novoaleksandrovka. Rostov-na-Donu: YuNC RAN.

Dvornichenko, V. V., Fyodorov-Davydov, G. A. 1993. Sar-matskoe pogrebenie skeptukha I v. n. e. u s. Kosika Astraxan-skoj oblasti. *Vestnik drevnej istorii*, 3 (206), s. 141-179.

Dumberg, K. E. 1901. Raskopka kurganov na Zubovskom xutore v Kubanskoj oblasti. *Izvestija imperatorskoj arkheolog-icheskoj komissii*, 1, s. 94-103.

Gushhina, I. I., Zaseczkaya, I. P. 1989. Pogrebeniya zubovsko-vozdvizhenskogo tipa iz raskopok N. I. Veselovsko-go v Prikubanie (I v. do n. e. — nachalo II v. n. e.). *Trudy GIM*, 70: Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoj Evropy, s. 71-141.

Klejn, L. S. 2016. *Pervyj vek: sokrovishcha sarmatskikh kurganov*. Sankt-Peterburg: Evraziya.

Mancevich, A. P. 1976. Nakhodka v Zaporozhskom kur-gane (k voprosu o sibirskoj kolektsii Petra I). In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil v iskusstve narodov Evrazii*. Moskva: Nauka. s. 164-193.

Mordvinczeva, V. I. 1999. Nabor falarov iz kurgana 28 mogilnika Zhutovo Volgogradskoj oblasti. *Nizhnevolzskij arkheologicheskij vestnik*, 2, s. 42-51.

Mordvinczeva, V. I. 2007. Sarmatskij polikhromnyj zver-inyj stil. In: Mordvinczeva, V., Trejster, M. *Proizvedeniya tor-evitiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomorje* (2 v. do n. e. — 2 v. n. e.). I. Simferopol; Bonn, s. 195-244.

Ochir-Goriaeva, M. A., Lapa, N. L. 2002. Kompleks sar-matskogo voinskogo pogrebeniya iz fondov Kalmytskogo res-publikanskogo kraevedcheskogo muzeya. *Vestnik drevnej istorii*, 3 (242), s. 200-205.

Ochir-Goryaeva, M. A. 2019. Pogrebenie voina-vsadnika iz kurgannoj grupy Yashkul. *Byulleten Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, 4, s. 5-60.

Rostovtzev, M. I. 1914. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis na Yuge Rossii*. Sankt-Peterburg.

Rostovtzev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh*. Leningrad.

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomoriya*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Simonenko, A. V. 2011a. *Rimskij import u sarmatov Severnogo Prichernomoriya*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Simonenko, A. V. 2011b. Konskij ubor iz bolshogo kurgana Vasyurinskoj gory. *Bosporskij fenomen: naselenie, yazyki i kontakty*, s. 598-602.

Simonenko, A. V. 2012. Sarmatskoe pogrebenie v kurgane Kamova Mogila. In: *Zoloto, kon i chelovek*. Kiev: Skif, s. 295-307.

Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomoriya*. Kiev: Oleg Filyuk.

Trejster, M. Yu. 2007. Tekhnika izgotovleniya i elementy dekora. In: Mordvinczeva, V., Trejster, M. *Proizvedeniya tvorutiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomorie (2 v. do n. e. — 2 v. n. e.)*. I. Simferopol; Bonn, s. 245-305.

Sharov, O. V. 2008. O konskikh pogrebeniyakh Bolshogo kurgana Vasyurinoj gory. *Bosporskie issledovaniya*, XXII, s. 283-323.

Shchukin, M. B. 1992. Nekotorye zamechaniya k voprosu o khronologii zubovsko-vozdvizhenskoj grupy i probleme rannikh alan. In: Raev, B. A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvskij mir*. I. Novocherkassk, s. 103-130.

I tesori... 2005. *I tesori della steppa di Astrakhan*. Milano. Kiezeritzki, G. 1901. Funde in Südrussland. *Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut*, 2: Archäologischen Anzeiger, S. 55-57.

L'Or... 1995. *L'Or des Sarmates*. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans L'Antiquite: Exh. cat. Abbaye de Daoulas.

Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I., Limberis, N. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz.

Mordvinczeva, V. 2001. *Sarmatische Phalaren*. Archäologie in Eurasien, 11. Rahden.

Otchir-Goriaeva, M. A. 2002. Das sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia Antiqua*, 8, S. 353-387.

Raev, B. A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. British Archaeological Reports. International Series, 278. Oxford.

Rostovtzeff, M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

S. V. Voroniatov

PHALERAE THE DECORATION OF HORSE HEADGEAR FROM BARROW 1 ON ZUBOVSKI KHUTOR

The reasons for the alternative attribution of seven gold belt plates from the Sarmatian burial of the barrow 1 near Zubovski Khutor at the Kuban river region (1st century BC — 1st century AD) are proposed in the paper. During the period from the moment of excavations of this barrow (1899) three variants of the interpretation for these findings have been offered: as the belt decorations (K. E. Dumberg, I. I. Gushchina, I. P. Zaseczkaya, M. B. Shchukin, V. I. Mordvintseva, etc), and as the fibula-brooch (M. I. Rostovtzev, N. V. Anfimov, M. P. Abramova) or phalerae for ceremonial horse harness (A. P. Manczevich, M. Yu. Trejster, A. V. Simonenko).

The barrow was excavated by amateur and the methodic level of this work was poor. Due to the circumstances it seems inappropriate trust the data from the first publication of the findings. The belt plates version has no parallels

among findings and materials from various Sarmatian burial assemblages since 1899. We There were no findings of plates decorating the belt. The interpretation of these items as fibula-brooch proves to be false as the plates did not equipped with pins and spring devices at their backsides.

The correct interpretation for the plates seems to be phalerae of the horse headgear. This version is proved with well documented findings of horse equipment of the 1st—2nd centuries AD which contains from 6 to 12 phalerae of the similar size. It is also known the horse equipment containing just seven phalerae which decorate the headgear — from the burials in Kosika (Lower Volga region) and in Yashkul (Kalmykia). The important factor seems to be the way of fixing of these items to the straps of horse equipment. One can see the laminar wirers on the back of one phalera founded in the barrow 1 near Zubovski Khutor.

Keywords: barrow 1 on the Zubovski Khutor, Kuban region, Sarmatians, Horse harness, Phalerae, Millefiori glass.

S. V. Voroniatov

ФАЛАРИ КІНСЬКОГО УБОРУ З КУРГАНУ 1 НА ЗУБОВСЬКОМУ ХУТОРІ

У статті запропоновано підстави для альтернативної атрибуції семи золотих блях з сарматського поховання кургану 1 поблизу Zubovskogo хутора в Закубанні (I ст. до н. е. — I ст. н. е.). З часу розкопок цього кургану (1899 р.) запропоновано три варіанти тлумачення цих знахідок: поясні прикраси (К. Е. Думберг, І. І. Гушчина, І. П. Засецька, М. Б. Шукін, В. І. Мordvinczeva та ін.), фібула-брошка (М. І. Ростовцев, Н. В. Анфімов, М. П. Абрамова) або фалари церемоніальної кінської упряжі (А. П. Манцевич, М. Ю. Трейстер, О. В. Симоненко).

Курган розкопали аматори, і методичний рівень розкопок був низьким. З огляду на обставини, здається, недоцільно довіряти даним першої публікації. Версія з поясними бляхами не має паралелей серед знахідок та матеріалів різних сарматських поховальних комплексів з 1899 р. У нас не було виявлено сарматських поясних блях. Інтерпретація цих предметів як фібули-брошки виявляється помилковою, оскільки бляхи не обладнані голками та пружинними пристроями на зворотньому боці.

Правильним тлумаченням блях, здається, є визнання їх фаларами кінського вбрання. Ця версія підтверджується добре задокументованими знахідками кінної зброї I—II ст. н. е., яка містить від 6 до 12 фаларів подібного розміру. Відомо також кінське спорядження, яке містить всього сім фаларів, що прикрашають вузду — поховання у Косикі (Нижня Поволжя) та в Яшкулі (Калмикія). Важливим фактором, здається, є спосіб кріплення цих предметів до ременів зброї. На звороті фаларів в кургані 1 поблизу Zubovskogo Хутора збереглися пластинчасті петлі.

Ключові слова: курган 1 на Zubovskomu хуторі, басейн Кубані, сармати, кінське спорядження, фалари, скло міллефіорі.

Одержано 13.04.2020

ВОРОНЯТОВ Сергій Вячеславович, кандидат історичних наук, молодший науковий співробітник, Державний Ермітаж, Дворцова набережна, 34, Санкт-Петербург, 191181, Росія.

VORONIA TOV Sergey, Candidate of Historical Sciences (PhD), Research Officer, the State Hermitage Museum, Palace Embankment, 34, St. Petersburg, 191181, Russia. ORCID: 0000-0002-7096-4468, e-mail: s.voroniatov@gmail.com.